

Евгения Изварина

Дом
для одной
свечи

РУССКИЙ	ГУЛЛИВЕР
---------	----------

Евгения Изварина Дом для одной свечи: стихотворение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27051173

Дом для одной свечи Стихотворения:

ISBN 978-5-91627-116-4

Аннотация

В новый сборник екатеринбургского поэта Евгении Викторовны Извариной вошли лирические стихи 2010–2012 гг., в том числе публиковавшиеся в литературно-художественных журналах и в сети Интернет.

Книга адресована широкому кругу читателей.

Содержание

«Ивовый воздух серебряный жмых...»	10
I	11
«Снежная перина –...»	11
«Серебром на полуштофе...»	12
«Сумерки разговаривают с людьми –...»	13
«Ни карты, ни кости, ни руны, ни чёрный кофе...»	14
«Словно в серебряную бумагу...»	15
«Жизнь...»	16
«Рябиновые обручи кровавы...»	17
«Как и все – последний блеск рассеешь...»	18
«Страшно жить на свете...»	19
«Отломи от сердца, отлучи...»	20
«Опера аэропорта...»	21
«Либо запреты сближают, либо...»	23
«Две рыбы...»	24
«В золотом многобожии...»	25
«Стекает за фрамугу...»	26
«...Лги мне, Офелия, это – бальзам...»	27
«Кто говорит, что жизнь недорога...»	28
«По себе ни глотка...»	29
«По-царски на краю...»	30
«Черёмухи ли чёрным сахаром...»	31

Электричка	32
«Слово за слово полдела...»	33
«Из волос «невидимка», цветок из венка...»	34
Белая ночь	35
«Электричество, трение янтаря...»	36
«Серебристое кино...»	37
Волна	38
«Вся надежда богов на любовь без опыта...»	39
«Как спадающий дрожью по коже...»	40
«Теплее тополя сосна –...»	41
«Как в океан весло...»	42
«Речь ночная...»	43
«...Баю-бай – гуляй лугами...»	44
«Тёмно-зелёным, со дна озарённым ковчегом лета...»	45
«Будущее было зелёным берегом...»	46
«Моя душа к твоей на Валаам...»	47
«Болит острее спрошенное строго –...»	48
«Семь замков...»	49
«Решительно и неумело...»	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Евгения Изварина

Дом для одной свечи

Стихотворения

Поэтическое пространство Е. Извариной – это необычайно многопластовый, сложносоставной мир, в котором время всегда неоднородно, пространство искажено и преобразовано так, что становятся явными тайные знаки времен и цивилизаций, человеческих отношений и метафизических откровений.

Андрей Сальников

Авторское «я» нарисовано средствами метонимии: глаза, руки, голос, губы. Но, в сущности, это главное, что нужно поэту, чтобы видеть, писать, шептать. О чем? О жизни и смерти («смерть или жизнь вперёд положат руки /на левое и правое плечо»), о времени («Чёрное солнце времени ослепляет»), о человеке во вселенной, о поэзии и о любви («попытка речью вычерпать любовь»), о давно устаревших и всегда новых темах. «Время создано смертью», сказал поэт. Оно бестелесно, безмолвно, безвидно и бездонно. Оно проходит сквозь нас, оставляя следы морщин и боли. Невидимый профиль времени, эта «седьмая верста до небес», маячит перед поэтом, вдохновляет понять его суть. Если поэт живёт в большом времени, то и масштабы его вопрошания

больше самого автора. Не отсюда ли и анонимность автора? Освобождая свои стихи от личного, поэт направляет их на общечеловеческое. Умение говорить о сути существования, вслушиваться в целое, сравнивать несравнимое делает тропы Извариной многослойными.

Валентина Полухина

У екатеринбургского поэта Евгении Извариной от книги к книге язык приобретает все новые качества пластичности и емкости, нежности и силы. Он, кажется, способен выразить любые нюансы чувства и мысли, что позволяет с легкостью переходить от возвышенного к повседневному, от божественного к человеческому, от посястороннего к потустороннему.

...Евгения Изварина берет слова, как пианист – аккорд, и поэтические строфы рождаются, подобно музыкальным фразам. Ее стихи растут не из земли. И не из роз (Цветаева). И не из сора (Ахматова). Ее поэзия рождается из ткани языка.

Елена Забелина

...это чувство движения по воде и отчасти по воздуху, не сымитированное при помощи стихотворческого инструментария вроде игры размерами, аллитерациями (инструментария, по сути, нехитрого, ремесленного), но глубоко заложенного в самодвижение стихотворения, от условного начала к условному концу. Стихотворение отчасти видно (на странице), отчасти погружено в немоту, в глубокую воду собственного отсутствия: потому оно и движется,

потому и улавливает глубинные течения и бури бытия.

Ольга Славникова

...именно музыка – текучая, неуловимая, антимиметическая субстанция – оказывает сильнейшее влияние на человека, завораживая и опутывая его незримыми, но прочными узами приобщенности к вечности, к тайне. Пытаясь хоть на мгновение поймать эту космическую музыку, поэт сам оказывается в ее власти, под ее влиянием создавая стихи «по наитию». Замечательно сказал о поэзии Извариной А. Касымов: «Музыка ловит ловящего музыку».

(...)

Поражает в стихах Извариной их смысловая подвижность, постоянные сдвиги, смещения, смены ракурса. Этим стихам противопоказана заданность, запрограммированность, траектория смысла абсолютно непредсказуема. Колющая материя стиха соответствует незримой материи дыхания, строчки, будто появляются на выдохе, сбивчивом, лихорадочном неровном. А ровным это поэтическое дыхание быть и не может.

Константин Комаров

Изварина всегда помнит о другом человеке: который прочтет. Иначе писала бы вовсе без труда: внутренняя музыка ее текста – часто – уже на грани между аллитерацией и глоссолалией; язык птичий и ангельский хорош всем, кроме одного: другой живой человек только музыку и может из него взять,

а смысла – уже не может. Сохранение смысла – постоянный и почти незаметный для читателя труд, сродни скорее непрерывной череде поступков, чем большому подвигу...

У стихов Извариной – отчетливо – два пространства. Музыка – первое. Второе – катастрофа.

Даже вот так: катастроф́ (чтобы было видно: слово очень старое и очень большое, обращенное сразу и к масштабному, и к внутрличеловеческому). Огромное событие, переворачивающее видимый и невидимый, внешний и внутренний мир, переворачивающее его непрерывно, бесконечно, в реальном времени.

Поэт – оттого поэт, что его душа – катастрофа.

Пространство, данность, *«сердца выжженная пристань»*, *«...лоб обуглен облаками»*; стихи – не от сердца и от головы, а – в сердце и в лоб.

а ты
душа
ошибка лозоходца
гремячий газ со дна колодца

Ничего железного, взрывающегося, гладкоствольного, нарезного, но все равно много – выстрела. И ошибка лозоходца – страшная, как ошибка сапера. И «лозоходец» – слово нездешнего словаря, как «духовидец» или «псалмопевец».

В этом втором пространстве отношения поэта и

читателя архетипичны: поэт – проводник в области катастрофы, но открыть читателю может одно: область подобную можно подробно узнать, можно даже картографировать, но она не подлежит обживанию и освоению: она меняется и меняет. Само событие катастрофы – не переживаемое, а преобразующее.

Екатерина Перченкова

Общее чувство света – пронизывает, накаляет. Накаляет, потому что свет этот – библейский, свет сотворения мира. Но свет этот ненавязчив, лишен пафоса и патетики. Он просто мягко обволакивает и заставляет отзываться струнки в твоей душе. Так Бог смотрит на Землю и улыбается.

Наталья Деревягина

«Ивовый воздух серебряный жмых...»

ивовый воздух серебряный жмых
следом за пряжей ветвей пожилых
пух отходящий от стебля пустого
словно дыхание или стекло
или псалмы от престола
или от ивовой пряжи тепло

дерево вденет как будто в рукав
тень золотую в сплетение трав
Господи сделай как было
загодя ни у кого на уме

дерево крови и дерево дыма
за руки взявшись стоят на холме

I

Дом для одной свечи

«Снежная перина –...»

снежная перина –
Где неплотно стёгана
многослойны стёкла,
полусладки вина,

полусонны лампы
в разноцветных окнах –
как собачьи лапы
на ладонях мокрых.

...Поздние прогулки,
озеро воочью:
золотые лунки
светятся и ночью...

«Серебром на полуштофе...»

серебром на полуштофе
зимний остров петергоф
где выхватывает кофе
ароматы из ветров

от морских ведя к озёрным
берегов полуобхват
и на мраморе казённом
рафинад солоноват

возле мрамора пластмасса
чтоб гуляки за дружков
никогда не ждали часа
распечатать полуштоф

«Сумерки разговаривают с людьми –...»

Сумерки разговаривают с людьми –
ладони вытягиваются, как ладьи,
пытаясь удержать зябкое
подобье света. Трамвай звякает
вдалеке,
налегке певуч,
сам себе – пустотелый ключ и почтовый ящик.
Кто молился в сумерках о болящих,
странствующих и без вести родных –
так и не сошёл бы вниз со – сводчатых, разводных...

Но согласных судьба ведёт,
а строптивых – тащит.

«Ни карты, ни кости, ни руны, ни чёрный кофе...»

Ни карты, ни кости, ни руны, ни чёрный кофе,
ни белый шар –
перед гадалкой пустой стол. Принеси стакан
воды из-под крана; что он в руках твоих задышал,
заходил ходуном, это – так, ничего, обман
зрения. Поставь стакан – вот и стол не пуст.
Брось кольцо – пойдёт по простенкам хруст,
и волна – по чертам лица.
Это – обман слуха, уста, берущие речь из уст,
душе отомщенье, выросшей без Отца –
накрест слезой её повяжись,
ничего не страшись,
успеется.

Ты пришёл – за обманом сердца.

«Словно в серебряную бумагу...»

Словно в серебряную бумагу
город обёрнут. Его берут,
прикрепляют кокардой к ночному флагу...

Шампанское – только брют,
то есть, закат разлей по фужерам
пепельных тополей –

и заговорят на *ближнеблаженном*
скобки пустых аллей...

«ЖИЗНЬ...»

Жизнь
в обмерзающей лохани
рубахой плещется бесшовной –

так птица зимнего дыхания
влетает в куст опустошённый:

где стены в тереме, где окна? –
чересполосица,
решётка...

– Расшатывая прутья шёпота,
ещё ты больше одинока.

«Рябиновые обручи кровавы...»

рябиновые обручи кровавы
зима сквозь них летит как белый лев

от рифм артериальных захмелев
уж если выберешь в писании напев
пусть это будет цирк

НО ЕСТЬ ИНЫЕ ГЛАВЫ

«Как и все – последний блеск рассеешь...»

Как и все – последний блеск рассеешь
в молоке снятом.

Всё что не хранишь – да возymeешь
где-нибудь потом,

на излёте серебристых святков
апельсинного вкусив огня...

С опытом приходит лишь остаток лет,
осколок дня,

но и это – не ответ на общий
гул вопросов, шелест крыл.

... Человек смолкает, разрастаясь рощей
сверстников, чьи имена забыл.

«Страшно жить на свете...»

страшно жить на свете
а во тьме легко
ночь при сигарете
пуля в молоко

на пустой планете
в гостевой избе
ночь при сигарете
(спичек при себе

нет)

«Отломи от сердца, отлучи...»

Отломи от сердца, отлучи
жар медвежий, свет берестяной:
это – хадж без лампы и свечи,
это – полумесяц за спиной
(северный по холке ветерок,
обернёшься – вцепится в кадык)
стряхивает звёзды на порог.

– Заходи-погрейся, Белый клык.

«Опера аэропорта...»

1

опера аэропорта
неба звенит аорта
пьёт из неё трава золотую влагу
сетка дождя нанесённая на бумагу
осенью полустёрта
а зимой к балюстрадам тех рощиц голых
глубоко упав горизонт уснёт

словно в пыльном стекле папиросный всполох
переломится самолёт

2

сон самолёт без воздуха
сорок три седока
роза любого возраста
солона и сладка
свет

лепестками выверни
был

поморгал

померк

иней любого имени
падает вверх

«Либо запреты сближают, либо...»

Либо запреты сближают, либо
граница так и не стала строже.

...Хочет ли что-то сказать книга,
раскрываясь всегда на одной и той же,
обходящейся без примет,
возжигаемой из озноба,
странице,

на которой нет
ни слова?

«Две рыбы...»

две рыбы
знающие друг друга так давно
что вода между ними и есть вино

в общем кто кого перепьёт
сквозь нарастающий гул
намерзающий лёд

смотрят будто в запасе у них века
но не друг на друга
а на рыбака

«В ЗОЛОТОМ МНОГОБОЖИИ...»

В ЗОЛОТОМ МНОГОБОЖИИ
ДРУГОМ ПЯТИКНИЖИИ
КАК ТЫ ДУМАЕШЬ
МОЖНО ЛИ
ВЫБРАТЬ ГЛАВУ
ГДЕ БЫ МЫ ВЫЖИЛИ
НАЯВУ?

«Стекает за фрамугу...»

Стекает за фрамугу
бесшумная вода.

У снящихся друг другу
нет выбора – куда

вернуться из полёта,
очнуться в очереди,

свести ещё кого-то
с ума – к большой воде...

«...Лги мне, Офелия, это – бальзам...»

...лги мне, Офелия, это – бальзам,
лезвия эти повсюду
вырастут лесом, но знаю ли сам –
гадом ли, Гамлетом буду?

В женских и смертных тебя обвиню,
солнце укутаю в тени,
Голову к лону когда наклоню –
сердце уткнётся в колени...

«Кто говорит, что жизнь недорога...»

Кто говорит, что жизнь недорога,
и нет ей повода за поворотом?

Вишнёвый сад –
огромные рога Оленя фон Мюнхгаузена –
вот он,
где розовато-бронзовый хрусталь
окутан молоком,

и лишь подошвам
не «здравствуй» чудится, а – «зарастай
звериным прошлым...»

«По себе ни глотка...»

По себе ни глотка
горечи не оставь:

Если печаль – река,
две половины вплавь
солнечные лови,
как из окна ключи.

...Жизнь для одной любви.
Дом для одной свечи.

«По-царски на краю...»

по-царски на краю

это в раю

по-детски на виду

это в аду

глаза прикрою и перекрою
чтобы наедине а не в ряду
сухое пламя обняла вода

по-русски credo

это никогда

«Черёмухи ли чёрным сахаром...»

Черёмухи ли чёрным сахаром,
певец полуночный, ты жив? –

Во мраке, молниями вспаханном,
то потерявшись (так решив),
то матовой кивнув подпалиной
на сполох косвенный и треск –

свисти,
срывайся,
но – выстраивай
свой арабеск.

Электричка

В кипящем зное рафинадом холода –
ледышки ландыша перевезём:

семь позвонков – фарфоровая хорда,
семь позолот, сошедших в чернозём...

«Слово за слово полдела...»

слово за слово полдела
солнце прутья по оградкам
осветило
полетела
тень твоя с моею рядом

вся на радостях и ласках
в пене клеверного ситца
курам на смех
богом наспех
поцелованная птица

«Из волос «невидимка», цветок из венка...»

Из волос «невидимка», цветок из венка,
то, что вилочкой клюва по дну родника
цапля пишет...

Но ты не из цапель:

языком осязания капель
расточителю снов,
пчеловоду,
царю
назови по-иному породу свою,
чем – земная,

морская,
небесная,

всетелесная
фьюти-фью.

Белая ночь

Белая ветвь горчит на обнажённом сломе.
Кружится голова.
Пока не звезда – светят в дверном проёме
лучшие дни, слова.

На молчаливый сговор зеркала и уродца
этот закон похож:
многое – обещается,
малое – достаётся,
лучшее – не берёшь.

«Электричество, трение янтаря...»

Электричество, трение янтаря
о золотое руно звёзд –

белую высоту беря,
в небо падает чёрный дрозд.
Дальнейшее – лишь пересказ
сновиденья взаимы:
он там исчез, где янтарный глаз
ещё светился сквозь ситец тьмы.
По кормушкам – пшено, сухари, миндаль,
нас отстреливают за разбой...

Воздух исчезновенья! – дай,
расколов янтарь, подышать тобой.

«Серебристое кино...»

серебристое кино
мой мальтийский сокол
перстень постучит в окно
и не надо стёкол

только сумерки
прости
дёшево продашь их
по запястьям травести
чьи-то после наших
грозовые заодно
близость и прохлада

перстень постучит в окно
и руки не надо

Волна

Гладь продольна и вольна
не дышать.

Но посередке
вдруг продёрнута волна
через две взаимных лодки.

Это
лента – или шрам?
Ожерелье – или привязь?
Кто им встречи пожелал?

Появились – как приснились...

«Вся надежда богов на любовь без опыта...»

вся надежда богов на любовь без опыта
лента реки то и дело подковой согнута
у следящих вдвоём с моста за теньями рыбьими
все четыре руки то и дело бывают крыльями
вместо сердца то пёстрый птенец то хрустальный шарик
и это никому не мешает

«Как спадающий дрожью по коже...»

Как спадающий дрожью по коже
слепок времени восковой,
что и с кем – позабудется тут же,

а с тобой –

это как подождённых бумажек
свежий ветер щепотку берёт:
огнекрылок с поляны в овражек
опаляющий перелёт...

«Теплее тополя сосна –...»

Теплее тополя сосна –
всё дело в полости смолистой,
где сердца выжженная пристань
ему – просторна,
ей – тесна.

«Как в океан весло...»

Как в океан весло,
прикосновение проросло,
зелёные пустило побеги
в недозволенные обереги
твои –
таинственность и невинность...

И лодка остановилась.

«Речь ночная...»

речь ночная
решётка и печь

или с этой волны начиная
губы жемчугом не обжечь
и вода ключевая
всё равно серебро или сталь
вдоволь пью из ладони порожней

если можно желаннее стань
потому что нельзя безнадёжней

«...Баю-бай – гуляй лугами...»

...баю-бай – гуляй лугами,
голубиными кругами –
там за лунной полосой
с незаточенной косой
кто-то ходит,
плохо косит,
жалко – имени не спросит,
жалко – времени не даст,
переворачивая пласт
перепутанных корнями
трав, куда и нас роняли
из карманов,
из прорех
попечители печали,
заглядевшиеся вверх...

«Тёмно-зелёным, со дна озарённым ковчегом лета...»

тёмно-зелёным, со дна озарённым ковчегом лета
церковь плывёт, в чистый мёд иссушая горечь –
о четырёх дверях на четыре стороны света.

Через них и выносят в полночь
все до одной иконы, лампы, свечи –
и гасят огни далеко в поле,
и святые лежат на траве,
смотрят на звёзды,
может быть, припоминают земные просьбы,
недомолвки,
встречи...

«Будущее было зелёным берегом...»

будущее было зелёным берегом
что же настоящее чёрный ящик

заходи как музыка к неуверенным
закрывай глаза среди говорящих

собеседников нет чтобы ты поверила
голосам не пробиться через ресницы

глубоко в небе растёт дерево
высоко в сердце летят птицы

«Моя душа к твоей на Валаам...»

Ю. К., Е.Ш.

Моя душа к твоей на Валаам
восходит по ветвистым зеркалам,
беря ступень как ноту – наугад.

Но

так и земли касается вода:
проститься – или встретить безоглядно
друг друга навсегда?

«Болят острее спрошенное строго –...»

Наталии Черных

Болят острее спрошенное строго –
и я не знаю, мало или много
у сердца сил?

Но так и Христофор, псоглавый голубь,
через печаль – Звезду в ладонях голых
переносил...

«Семь замков...»

Семь замков,
душа китайца,
сердце иноходца –
не о счастье спотыкается,
не о горе бьётся,
жизнь сочтя и чудеса её
невысокой ставкой.

...Семь замков –
в одно касание,
согнутой булавкой.

«Решительно и неумело...»

Решительно и неумело
прощаемся,
передаём дела...

То ли письмо сбылось, пока горело,
то ли луна

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.